СТИВЕН БАКСТЕР

ОБЕЛИСК

Обелиск
Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Обелиск

Аннотация

Десятикилометровая башня, вонзившаяся в красноватое небо Марса, — Обелиск. Он в три раза выше любого здания, когда-либо построенного на Земле, и в десять раз выше всех прочих сооружений на Марсе. Зачем его начал строить американец Билл Кендрик, сосланный на Марс за финансовые махинации? И почему Кендрика всегда поддерживал в его начинании Вэй Бинлинь, глава китайского поселения, бывший пилот, обрекший себя на добровольную ссылку на Марсе? Может быть, оба они стремились с помощью Обелиска вернуть себе что-то утраченное ими? Или искупить свою вину? И какую цену придется им за это заплатить?..

Стивен Бакстер
Обелиск

Так случилось, что Вэй Бинлинь увидел громаду Цао Си лишь тогда, когда впервые очутился на Марсе.

Произошло это после долгого и трудного путешествия. Последние несколько дней, пока «Подсолнух» приближался к красной планете, Вэй Бинлинь позволил автоматике вести корабль домой. А почему бы и нет? С момента происшествия ручное управление так или иначе не работало. И, кроме того, Вэй больше не считал себя достойным поста капитана. На судне, превратившемся в дрейфующий полевой госпиталь, он был низведен до смотрителя, чья единственная обязанность заключалась в том, чтобы доставить тех, кто пережил его последний полет, в безопасную гавань.

Он так часто прилетал сюда, но лишь сейчас впервые увидел, как Марс выплывает из темноты. В свете далекого Солнца издалека планета казалась деформированным, кривым, мрачным миром, странным образом незаконченным, подобно горшку, созданному бесталанным учеником гончара. И все же, когда корабль зашел на промежуточную орбиту высоко над планетой и очутился над ее ночной стороной, Вэй увидел насыщенные цветами высокие слои разреженной

атмосферы, белые клочья в глубоких кратерах — облаков, тумана? — и яркие искорки света в ночи. То были огни человеческих поселений, большей частью китайских, и нескольких форпостов ООН. Мир, где люди уже рождались, жили и умирали. Мир, в котором решил умереть и Вэй.

Выжившим членам экипажа и пассажирам «Подсолнуха» пришлось провести целый день на орбите, пока к ним навстречу не прибыла маленькая флотилия кораблей с Деймоса, внешней луны Марса, богатой ресурсами каменной глыбы, что служила центром для всех орбитальных операций. Большинство судов везли спасателей и автоматические медблоки; некоторых из раненых пассажиров и членов команды перед трудным спуском с орбиты отправили в госпиталь на Деймосе, где сила тяготения была небольшой. Покойников на корабле осталось немного. Родственники большинства погибших предпочли, чтобы останки их любимых отправили в межпланетное пространство. Вэй самолично провел эту церемонию с помощью представителей разных верований и культур.

Он больше не считал себя капитаном, но команда станции на Деймосе отдавала ему обычные почести. Вывезя пассажиров и членов команды,

они отправили за ним с луны отдельный челнок, чтобы Вэй покинул корабль последним. Впрочем, «Подсолнух» не остался пустым: его уже наводнили ремонтные команды из людей и роботов, пока само судно аккуратно буксировали на орбиту Деймоса. Межпланетный корабль, даже столь сильно поврежденный, представлял собой слишком большую ценность, никто не собирался его бросать.

Челнок оказался небольшим округлым глайдером, покрытым изношенными листами теплозащитной обшивки. Но на орбите, благодаря мощным маневровым двигателям, показал себя проворным и юрким суденышком. Пилот, молодая женщина, разрешила Вэю сесть рядом, в кресло второго пилота, пока челнок в последний раз быстро облетал дрейфующую громаду «Подсолнуха».

Вэй указал на зияющую дыру в корпусе:

— Вот. Вот эта рана его и убила.

— Вижу. Я читала отчет, термоядерная реакция пошла вразнос.

— Мы тут же потеряли ионный двигатель, а страховочные фалы солнечного паруса были повреждены…

Корабли вроде «Подсолнуха» предназначались

для длительных межпланетных перелетов и были легкими, вместительными посудинами, которые ходили на плавной, но стабильной мощи ионной тяги и солнечного ветра в громадных парусах. Путешествие от Земли до Марса на таком корабле занимало месяцы, но все равно это было быстрее, чем идти по эллипсу Гомана, отключив двигатели.

Пилот взглянула ему в лицо.

— Происшествие попало в главные новости на Земле, Марсе и вообще повсюду. Героические попытки стабилизировать работу всех систем и спасти пассажиров…

— Этого добилась команда, а не я сам.

— В то время как вы, капитан, управляли единственной двигательной системой, которая осталась, — солнечным парусом, который больше походил на сломанное птичье крыло. И вы вывели корабль на орбиту Гомана, сумели привести его на Марс. Некоторые комментаторы даже сравнивали вашу храбрость и находчивость с операцией по спасению «Аполлона-13».

Вэй взглянул на пилота. Странно, что такая юная женщина знает о первых космических подвигах, случившихся сто сорок лет назад; молодежь часто считала, космическая эра на-

чалась в 2003 году, когда Ян Ливэй стал первым китайцем, добравшимся до земной орбиты на «Шэньчжоу-5».

Но Вэй не хотел поздравлений.

— Я потерял корабль и многих из пассажиров. Мы буквально ползли к спасению на корабле, полном раненых, и наш полет больше походил на агонию.

Каждый день он уходил с мостика и отправлялся к руинам пассажирского отсека. Здесь ютились несчастные семьи, потерявшие отца, мать или детей, вынужденные несколько месяцев жить в тесноте, лишениях и страданиях прямо там, где все потеряли. Здесь были даже сироты. Он особенно запомнил одну девочку, не старше пяти лет. Ее звали Сюэ Лин. Отец, мать и брат погибли, исполненная надежд семья переселенцев исчезла в одно мгновение. Девочка выглядела потерянной, сбитой с толку, даже когда прижималась головой к жесткой ткани костюма доброго офицера корабля.

— Уверена, это было ужасно, — сказала пилот. — Но вы привели корабль домой.

Она коснулась приборных панелей, и челнок направил нос к планете. Вскоре суденышко нырнуло в атмосферу. На Марсе она была разре-

женной, и полет оказался на удивление мягким в сравнении со спуском на Землю. Гася орбитальную энергию теплотой трения, челнок выписывал резкие повороты над кроваво-красным ландшафтом.

— Капитан, мы скоро приземлимся.

— Я больше не капитан. Формально я в отставке. Пожалуйста, не называйте меня по званию.

— Понимаю. Вы решили закончить карьеру, посвятить себя Марсу.

— Люди верили, что доберутся сюда целыми и невредимыми. Я подвел их. Это единственное, чем я могу почтить их память…

— И как будете чтить? — пробурчала она. — На ферме лишайники выращивать? Конечно, стать живым памятником — это благородный порыв. Но это же саморазрушение и напрасная трата ваших навыков, если хотите знать мое мнение, господин Вэй.

Вэя оно не слишком интересовало, но он сумел удержаться от выговора, ведь теперь по званию был не выше этой женщины.

— У вас нет семьи на Земле? — спросила она.

— Нет, жены нет.

— Возможно, вы встретите на Марсе свою судьбу. Станете растить первое поколение пере-

селенцев, а они…

— Это невозможно. Во время инцидента — отказало экранирование термоядерного реактора, и произошла утечка защитной жидкости из корабля… — он увидел, что женщина все поняла. — Я несколько месяцев жарился в радиации межпланетного пространства. Доктора говорят, что теперь у меня сильная предрасположенность к раку. И если я еще не стерилен, то скоро буду.

— Сколько вам лет, господин Вэй?

— Чуть больше тридцати.

Больше пилот не проронила ни слова.

Челнок опустился к небольшому молодому поселению в области под названием Киммерийская Земля. Из-за длинных кратерных стен и крутого русла реки сверху она напоминала Вэю рубцовую ткань, словно от плохо зажившего ожога. Поселение называлось Огненным Городом и расположилось на дне кратера Мендель диаметром почти в восемьдесят километров. Дно было изрезано высохшими каналами и испещрено небольшими воронками. С воздуха бывший капитан заметил наполовину занесенные марсианской пылью купола, блестящие баки и трубы чего-то похожего на большой химический завод, а также пару буровых установок, угловатые

очертания которых напоминали платформы для запуска ракет.

Челнок плавно опустился на длинную посадочную полосу, рассекшую дно кратера. Когда глайдер остановился, пилот быстро помогла Вэю натянуть скафандр. Они забрались в воздушный шлюз, под лучи стерилизующего ультрафиолета. Затем люк с хлопком открылся, и они спустились по небольшому трапу.

Вэй Бинлинь сошел на поверхность Марса, шагнул, привыкая к приятно низкой гравитации и замечая, какие четкие следы его ноги оставляли в вездесущей, липкой пыли цвета ржавчины. Отсюда он не видел стены Менделя, как и изощренного геологического лабиринта, раскинувшегося дальше. Кратер казался засыпанной камнями равниной, похожей на высокогорную пустыню. В светло-коричневом, словно полинявшем небе висело маленькое солнце. Вблизи виднелись несколько куполов, а на горизонте маячила вышка, тонкая и неподвижная, словно высохшее дерево. Вэй уже четыре раза бывал на Марсе, но всегда оставался на орбите в межпланетном корабле или приземлялся на Деймосе, где космонавты отдыхали и работали. На самой планете он прежде никогда не был. И теперь

вдруг понял, что больше никогда не ступит на поверхность иных миров.

Вот тогда он и заметил тур.

Тот возвышался рядом с полосой — грубая пирамида из булыжников. Вэй подошел ближе. Груда оказалась выше него и явно была сооружена намеренно.

— Что это такое?

Пилот подошла следом за ним.

— Это место высадки Цао Си — человека, который первым ступил на Марс, но прожившего на поверхности всего час после крушения своего одноместного модуля. — Его тело было возвращено семье на Землю.

— Да, я как-то видел его мавзолей.

— Но место, где он ходил, чтят до сих пор. Даже взлетная полоса — это скорее подобающий месту жест, символ связи между землей и небом, космосом и Марсом. Тут люди поселились недавно, поэтому все пока сделано на скорую руку.

Вэй огляделся вокруг и выбрал камень размером с собственную голову; булыжник с острыми гранями не катился, но в столь низкой гравитации весил мало. Капитан перенес его и водрузил на верхнюю часть пирамиды.

— Все прибывающие так делают, — заметила

пилот.

— Почему меня доставили именно сюда, в это место?

Девушка пожала плечами.

Но ответ и так был очевиден. Ничего не зная о колонизации Марса, он просил бывшее руководство указать подходящее направление, новый дом. Начальству понравился символизм этого места. Но Цао Си был героем, а Вэй нет.

Пирамида поразила его до странности крутыми склонами:

— Такое сооружение нельзя построить на Земле.

— Возможно, нет.

— Интересно, а насколько высокий курган можно возвести при такой низкой гравитации?

— Я не знаю, — девушка указала на пыльный хвост, тянувшийся за блестящей точкой, которая приближалась со стороны куполов. — Ваши хозяева. Семья, муж и жена, в прошлом члены команды межпланетного судна. Они вызвались помогать вам, пока вы осваиваетесь на Марсе.

Вэй почувствовал, как же ему не хочется встречаться с этими людьми, этими марсианами. Ему здесь не было места. Впрочем, желание забраться в челнок и вернуться на орбиту тоже не появи-

лось. Он подумал, что сейчас нигде не нужен, словно уже умер. Но при этом остался живым, дышал, мог удивляться и интересоваться, например, этой пирамидой.

— Возможно, я найду здесь цель.

— Уверена, что найдете, — пилот коснулась его руки, и даже сквозь слои скафандра Вэй ощутил давление, заботливость этого жеста. — Возможно, вы станете хранителем пирамиды.

От ее слов он улыбнулся:

— Возможно.

Вэй вдруг понял, что даже не знает имени пилота. Он повернулся к приближавшемуся марсоходу.

Когда Сюэ Лин уже выходила из кабинета, Вэй проверил расписание по установленному в столе планшету. Его интересовало не время, а следующая встреча. Офис располагался воистину удачно, его встроили в стену купола так, что из окна открывался вид на окрестности, и Вэй мог судить о времени по движению полуденного солнца, скользящего вокруг граней пирамиды.

Он с испугом понял, что следующая встреча у него с Биллом Кендриком. Опять будут неприятности с этим американцем, которого ему буквально свалили на голову из колонии ООН

в Эдеме.

Кендрик уже ждал его, когда Сюэ Лин открыла дверь. Это был жилистый и высокий человек гораздо выше китайца. В его файле говорилось, что американцу исполнилось сорок пять лет, лишь чуть больше, чем самому Вэю; но выглядел он моложе, если не считать преждевременной седины. Возможно, та была столь же искусственной, как гладкие щеки и подтянутая кожа на шее и подбородке.

В кабинет Вэя он вошел с явно увесистым рюкзаком и придержал дверь для выходившей Сюэ Лин, посмотрев ей вслед со странной тоской во взгляде.

— Приятная девушка, мистер мэр.

Вэй поморщился. Кендрик жил здесь уже четыре года, неплохо подтянул стандартный китайский, но при обращении к Вэю всегда использовал эту неуместную английскую форму. Наверное, такая легкая форма протеста, подумал Вэй и решил быстро умерить интерес Кендрика к Сюэ Лин, прежде чем тот возникнет:

— Ей шестнадцать. Это моя дочь. Приемная.

— О, — Кендрик окинул взглядом полупустой кабинет и уселся на одно из двух кресел, стоявших у стола. — Ваша дочь? Не знал, что у вас есть

дочь, родная или приемная. Если позволите мне заметить, она кажется немного грустной.

Вэй пожал плечами:

— Она сирота. Потеряла семью во время полета на «Подсолнухе», том самом корабле, который…

— На вашем корабле, я знаю. И почему вы ее удочерили?

— Это лишь формальность. Ей был нужен законный защитник. Она попала на Марс десять лет назад, но не смогла ужиться с опекунами или приемными родителями, хотя попыток было сделано много. В результате попала в школу во Флегра Монтес.

Кендрик нахмурился:

— Я слышал об этом месте. Туда селят всех детей с проблемами.

Вэй снова поморщился. Но по существу американец был прав. Рождение и воспитание детей на Марсе было рискованным делом. Из-за низкой гравитации и мощной солнечной радиации, периодически случавшихся аварий, вроде разгерметизации или экокраха, многие рождались мертвыми или больными. Даже здоровые дети могли вырасти неправильно — слишком уж давила тюрьма купола; на планете царила настоящая эпидемия психических расстройств и

аутизма. Вот для чего была построена Флегра Монтес. Но школа служила и последним убежищем для таких детей, как Лин, которые просто не вписывались в сложившееся общество.

— На самом деле представители Объединенных Наций и китайцы управляют школой совместно. Это один из примеров нашего взаимодействия на Марсе.

Кендрик кивнул:

— Восхитительно. Хорошо, что теперь вы подарили ей дом. Понимаю, почему вы чувствуете ответственность.

Кендрик в своем репертуаре, подумал Вэй. Другие вечно танцевали вокруг да около, но американец говорил прямо о чем угодно. Наверное, пережиток его прошлого. В конце концов, он построил на Земле успешную карьеру, пока не перешел дорогу законам Героического поколения и не был изгнан на Марс; несомненно, прямота и откровенность сослужили ему хорошую службу.

— Мистер Кендрик, мы здесь говорим о вас, а не о моей дочери, — Вэй постучал пальцами по планшету. — Мне снова приходится читать отчеты о вашей недисциплинированности…

— Я бы так не сказал, — возразил Кендрик. — Назовем это нецелесообразно приложенной

энергией. Или поколением неподходящих идей, в которых поставленные вами дуболомы не смогли увидеть потенциально ценный вклад в марсианское общество.

Вэй уже страшно устал, хотя разговор только начался. Кендрик выучил язык, но сознательно или по какой-то иной причине не вписывался в местную культуру. Здоровенный шумный американец здесь, в китайском поселении, был слишком живым, слишком громким.

— Мистер Кендрик, я вновь трачу ценное время на ваши выходки, которые…

— Вы сами выбрали эту работу, мистер мэр.

Вот опять этот термин. На самом деле Вэй не располагал даже толикой независимости, свойственной «мэрам» западных городов, на которых намекал Кендрик. Вэй был председателем совета колонии с весьма ограниченными полномочиями; он отчитывался перед целой иерархией вышестоящих служащих, которая простиралась по всему Марсу аж до самой Земли. Тем не менее на нем все равно висел груз ответственности. Причем в эту роль он влился почти естественно благодаря своему опыту и прошлому, несмотря на собственное сопротивление. Вэй словно опять стал капитаном, на этот раз марсианского

корабля-колонии, плывущего в межпланетном пространстве. Свою ношу он нес так радостно, как мог. Возможно, именно так выглядело искупление.

Но, если бы не эта должность, подумал он, ему бы никогда не пришлось иметь дела с проблемами, вроде шефства над Биллом Кендриком.

— Вы здесь не из-за идей, — ответил он с раздражением. — И не из-за «энергии». Вы здесь из-за работы на новой вышке.

Последняя вгрызлась в каменистую почву Марса для добычи драгоценной влаги из глубоколежащих водоносных слоев.

— Ой, там я могу управиться даже во сне.

— И что же вы делаете, когда просыпаетесь?

Похоже, Кендрик воспринял его слова как намек.

— Вот это.

Он раскрыл рюкзак и вытащил два ржаво-красных обтесанных блока. Каждый был около тридцати сантиметров длиной, от пяти до десяти сантиметров в сечении. Американец поставил их на стол, стряхнув пыль.

Вэй поднял один; на Марсе тот, как и все остальное, был легче, чем казался.

— Что это? Тесаный камень?

— Нет. Кирпичи. Я сделал кирпичи из марсианской пыли.

— Кирпичи?

Он вполуха слушал, как Кендрик оживленно рассказывал о стадиях изготовления своих кирпичей: нужно взять отличную марсианскую пыль, намочить ее, добавить немного соломы из садов под куполом или обрывки ненужной ткани, обжечь смесь в солнечном отражателе, который Кендрик соорудил из разного лома.

— Эта технология стара как цивилизация.

— Чью цивилизацию вы имеете в виду? — Вэй улыбнулся

— И настолько проста, что ее освоит даже ребенок.

— Вы сказали, что нужна вода…

— И тут с ней напряг, я в курсе, сам гну спину на буровой. Но большую часть того, что я использую, можно получить обратно из пара во время обжига.

— Скажите мне, зачем тут кому-то делать кирпичи?

Кендрик подался вперед:

— Так мы можем быстро и дешево расширить город. Просто подумайте. У вас большая часть народу все еще ютится в куполах, и людей до

сих пор привозят с Земли. Ваша пластмассовая промышленность до сих пор в зачаточном состоянии, как и все остальное.

Вэй поставил один кирпич на другой.

— Как я могу построить пригодное жилище из кирпичей? Здания должны быть герметизированными. Постройка из кирпичей взорвется из-за внутреннего давления; не забывайте, что у марсианской атмосферы…

Кендрик вновь принялся рыться в рюкзаке:

— У меня есть планы для двух типов зданий, которые вы сможете построить из марсианских кирпичей. Первый — жилое строение, — он показал Вэй начерченные от руки планы куполов и сводов, наполовину погребенных в марсианской земле. — Видите? Смешайте их с грязью, она в любом случае нужна для защиты от радиации.

Это было правдой. На Марсе отсутствовал озоновый слой, и ультрафиолет с легкостью добирался до поверхности планеты.

— И вес пыли будет поддерживать нужное вам давление. Это только временное решение, но оно все равно может быть эффективным. Бог свидетель, на Марсе нет недостатка в пыли; вы сможете сделать столько кирпичей, сколько захотите, строить любые по величине и глубине построй-

ки. Это даст вам место для быстрого увеличения населения, причем до того, как пластик и сталь выйдут на производственные мощности, и вы сможете перейти к своим стратегическим целям.

Вэй поднял руку:

— Мистер Кендрик, вы, как всегда, переоцениваете себя. Вспомните, что здесь у вас нет положения, никакой официальной роли. Вас отправили сюда с базы Объединенных Наций в Эдеме из-за учиненных вами проблем; ваши люди сочли, что лучше вы будете работать здесь, в Огненном Городе, чем гнить в тюрьме Эдема, расходуя драгоценный воздух…

— Я всегда мыслю по-крупному, — ответил Кендрик с ухмылкой, нисколько не смутившись. — Потому, кстати, изначально и вляпался. Хотя я и добился впечатляющих результатов, когда представилась такая возможность.

— «Впечатляющих результатов», из-за которых вас сослали на Марс, — Вэй слишком хорошо знал досье Кендрика: тот был одним из самых молодых в поколении предпринимателей и инженеров, которые ради собственной выгоды использовали Толчки — серию природных катастроф, произошедших на Земле; они разрабатывали масштабные и обычно небезупречные планы

по стабилизации отдельных климатических аспектов, от космических зеркал, отражающих солнечные лучи, до гигантских заводов по улавливанию углерода в глубинах океана. Когда позже начались расследования, оказалось, что эти схемы, вне зависимости от того, работали они или нет, озолотили своих создателей. Вэй подумал, что даже сейчас Кендрик, возможно, носит часть полученного богатства в тканях своего тела, в результатах генотерапии и кибернетических имплантатах.

— Разве вы не понимаете, мистер Кендрик, что, если я позволю вам влиять на, как вы их называете, «стратегические цели» этого сообщества, неизменно возникнут подозрения, что вы принялись за старое?

Кендрик пожал плечами:

— Меня больше интересует общая выгода, чем личная прибыль. Хотите верьте, хотите нет. Продайте идею под своим именем, если вам так будет легче.

Затем он замолчал.

Тишина затянулась. Вэй понимал, что в его разуме уже прорастают ростки любопытства из посеянного Кендриком семечка. Он сдержал вздох. Этот человек был, как минимум, хорошим

продавцом.

— Тогда расскажите мне. Что еще можно построить из ваших кирпичей?

Кендрик бросил взгляд в окно:

— Монумент.

— Пирамиду?

— Взгляните на нее. Она производит впечатление, на свой манер. Каждый добавляет к ней камень. Я видел, как школьники карабкались по лестнице, чтобы подкинуть еще пару булыжников.

Вэй пожал плечами. Постройка пирамиды была одной из его инициатив ради того, чтобы объединить общину и увековечить память о великом герое.

— Но какая у нее высота? — спросил Кендрик. — Сотня метров? Послушайте, на Земле есть пирамиды гораздо выше. А мы находимся на Марсе, мистер мэр. Где гравитация ниже, так? Мы могли бы построить пирамиду в триста, четыреста метров высотой, если б захотели. Или…

Еще одна мастерски выдержанная пауза.

Вэй чувствовал, как его затягивает. Наверное, именно так Героическое поколение проворачивало свои махинации. Сама грандиозность замысла, размах — дерзость, если использовать одно из

словечек самого Кендрика, — все это ослепляло.

— Или что?

— Или мы используем мои кирпичи. На Земле есть шпили соборов высотой больше ста пятидесяти метров. Здесь же, на Марсе…

— Шпили?

— Только представьте это, мистер мэр, — Кендрик явно видел, как сильно заинтересовался Вэй. — Опять-таки, вам же нужно чем-то занять меня и остальных отщепенцев. Вы ведь не можете отправить меня обратно на Землю, ведь так?

Вэй не мог: такой возможности у него больше не было. Сейчас родная планета как раз перестраивалась после Толчков; в Китае и остальных странах все население переселяли к северу и югу от иссушенных средних широт, и центральное правительство сообщило марсианским колонистам, что теперь им придется самим разбираться со своими проблемами. Да, проект займет свободные рабочие руки.

А еще Вэй чувствовал, что первые люди, живущие на Марсе, должны сделать что-то большее, чем просто выжить.

— Шпиль, говорите?

Кендрик ухмыльнулся и показал табличку с новыми планами:

— Вам следует начать с закладки фундамента. Даже на Марсе корни деревьев должны быть не меньше ствола с кроной.

РОВЕР КЕНДРИКА ждал Вэя за шлюзом Летнего Свода. Уже наступила середина утра, перерыв в школьных занятиях; в это время, как и обычно, дети колонистов, высокие, причудливо грациозные, носились по обширной площади, занимавшей почти весь Свод. Они были так полны энергией, жизненной силой, что Вэй в свои сорок семь почувствовал себя стариком, с сожалением повернувшись к ним спиной.

Его ждал Кендрик. Судя по странно молодому лицу, он опять что-то просчитал и теперь, как обычно, с радостью готовился втянуть Вэя в новую авантюру.

К удивлению китайца, они с Кендриком оказались одни в ровере, когда тот отъехал от шлюза.

— Не знал, что вам позволено их водить.

Американец лишь ухмыльнулся:

— В этом городе есть много такого, о чем вы не знаете, мистер мэр. Не расстраивайтесь. Я нашел здесь много друзей, партнеров и время от времени прошу их о той или иной услуге.

Вэй оглянулся на массивное кирпичное основание Летнего Свода, видневшееся под коркой из

камней и пыли.

— Вы завели немало знакомых с тех пор, как мы позволили вам обрести столь большое влияние на судьбу колонии.

— Я не приношу вреда — вы должны это признать. В конце концов выиграет каждый. По правде говоря, с ровером все устроила Сюэ Лин.

— Она вам не личный помощник. Она просто вызвалась…

— Знаю, знаю, — Кендрик поспешно отвернулся, словно желая закрыть эту тему. — Именно так работает мир. Не переживайте.

Вэй не одобрял отношений Кендрика с дочерью, какими бы те ни были, и считал, что Кендрик об этом прекрасно знает. Эфемерное обаяние этого человека, казалось, притягивало девушку, как и всех остальных. Вэй не верил, что Кендрик зайдет с ней слишком далеко, и подозревал, что американец не преуспел бы, даже попытавшись: Сюэ Лин в свои двадцать два была помолвлена. Но отцовский инстинкт — Вэй надеялся, что за шесть лет приемного родительства сумел его развить, — все равно видел в интересе Кендрика к девушке что-то неправильное.

Направляясь прочь от города, они проехали мимо нового монумента Цао Си. Старую груду

камней давно разрушили, чтобы освободить место для шпиля Кендрика, внушительного конуса высотой в четыреста метров — почти в три раза выше самых грандиозных шпилей соборов средневековой Европы, хотя строили, в общем, с помощью примерно таких же материалов и технологий, из кирпича и строительного раствора на каркасе из стволов мощных дубов, выросших на Марсе. Здесь, у подножия незаконченного памятника, собралась обычная толпа протестующих. Кендрик направил ровер прямо на нее, тонкая линия расступилась, и Вэй выглянул в окно, вымучив официальную улыбку на случай, если бы кто-то в демонстрации его заснял. Некоторые возмущались тратой ресурсов на то, что они называли Капризом Вэя, и не помогло даже замечание мэра, что сооружение шпиля подстегнуло развитие всей промышленности колонии. Другие выступали против, так как монумент походил на сооружения христианского Запада. А третьи собрались просто потому, что им нравилась старая пирамида — груда камней, которую они соорудили вместе со своими детьми.

Кендрик, как всегда, игнорировал людей и смотрел только на шпиль: стройный, высокий, такой высоты, какая уже невозможна была на

Земле, по крайней мере с таким сырьем в качестве материала.

— Великолепно, правда?

— Великолепно для вас, — пробормотал Вэй. — Именно так видело мир Героическое поколение? Вы строите монументы, превозмогаете протесты. Убеждаете нас, что они естественны. И наживаетесь на этом, так или иначе.

— Бинлинь, друг мой…

— Не разговаривайте со мной так.

— Простите. Слушайте, может, временами я испытываю удачу. Но причина моего успеха в том — и тут вы правы, — что вам нужны мои идеи. Теперь у вас есть Свод, огромное расширение жилого пространства, о котором вы даже не могли помыслить. И это пригодилось всем, верно? Я слышал, как вы говорили о Треугольнике. Читал новости. Я на все обращаю внимание, знаете ли…

Треугольником называлась новейшая экономическая теория, согласно которой Земля, Марс и астероиды могли быть объединены во взаимно поддерживающую друг друга торговую петлю. Астероиды являлись жизненно важным источником сырья для истощенной Земли. Так что она, или, вернее, Великая китайская экономическая

программа на Земле, поставляла экспертные знания и высокотехнологичные товары в космос в обмен на добываемые ресурсы. Марс со своими быстро развивающимися колониями служил источником рабочей силы и жилого пространства для развития промышленности на астероидах и взамен получал сырье, в котором нуждался сам, особенно летучие вещества, которых здесь очень сильно не хватало.

Но местные управляющие на Марсе, и среди них Вэй, не хотели, чтобы планета осталась сборищем лачужек на краю пояса астероидов. Так что они предприняли попытку превратить новые сообщества Марса, включая Огненный Город, в центры коммуникаций, информационных технологий и первоклассного образования. Власти мечтали наладить экспорт высококачественного софта и других цифровых товаров на астероиды и Землю. Теперь, после пяти лет упорного развития и торговли, этот замысел начал исполняться.

Кендрик был прав. Для достижения этой цели Марсу требовалось пространство, жилые помещения для роста населения. Американец умудрился заметить лакуну в цикле разработки ресурсов и заполнил ее своими кирпичными постройками. Но незаменимым хотя бы в каком-то смысле он

не стал. Не настолько, как опасался Вэй.

Вскоре центр Огненного Города остался далеко позади, и они проехали мимо последних зданий колонии — больших полупрозрачных куполов, прикрывавших искусственную болотистую местность, которая была сердцем городской системы переработки. Затем пошли закрытые прозрачным пластиком поля, где ученые экспериментировали с генномодифицированной пшеницей, картофелем и рисом, что выращивались на марсианской почве. Дальше простиралась открытая местность, где зеленый и пурпурный лишайник испещрял камни: наиболее продвинутая форма жизни на Марсе, если не считать прилетевших позднее людей. Некоторые из этих лишайников, некоторым образом связанные с земными видами, тоже изменили на генном уровне: эксперименты по усовершенствованию сельского хозяйства на Марсе велись постоянно.

После лишайников они, наконец, вырвались на открытое, неразработанное пространство, но из Менделя так и не выехали. И пока жужжащий ровер подпрыгивал на ухабистой дороге, Вэй начал различать впереди стройные очертания чего-то вроде скелета башни с широким основанием. Он подался вперед, во все глаза рассматривая ее

через напоенный пылью воздух:

— Что это такое?

Кендрик ухмыльнулся:

— Это то, ради чего я привез вас сюда, мистер мэр. Вы когда-нибудь слышали об Эйфелевой башне? Это в Париже, во Франции. Она была разрушена во время голодных бунтов в 2060-м, но…

— Остановите ровер, — пока машина замедлялась, Вэй подался вперед, выглядывая из куполообразного окна. Они уже были так близко, что ему приходилось задирать голову, чтобы увидеть вершину сооружения. — Для чего она нужна?

Кендрик пожал плечами:

— Это испытание. Демонстрация того, что можно построить на Марсе из стали. Как и шпиль…

— Из стали? Откуда вы взяли сталь?…

Но, конечно, Вэй знал, откуда. Новый металлургический завод в городе уже вышел на производственную мощность и выдавал железо и сталь, добывая их из гематитовой руды, сырья, которое на Земле стоило больших денег, а на Марсе было столь вездесущим, что от него планета стала красной.

— Вы перенаправили ресурсы шахты на это?

— Перенаправил — а, ну да, это правильное

слово. Слушайте, это просто пробный прогон. Сталелитейщики жаждали испытать сварочные техники на марсианском воздухе и так далее… Когда мы достигнем цели, мы тут все разберем и направим материалы на что-нибудь более полезное.

— И какова же цель?

— Узнать, насколько высокую башню мы можем построить. Мы еще далеко от нее, отсюда вы не можете оценить размеры. Слушайте: эта штуковина почти восемьсот метров в высоту. Почти в три раза выше Эйфелевой башни на Земле. Старая добрая марсианская гравитация. Объект уже выше любой постройки на Земле, сооруженной до конца двадцатого века. Только подумайте об этом! Чувствуете, как она притягивает взгляд? Это магия марсианской архитектуры. Она опровергает связанные с Землей инстинкты.

— Вы соорудили ее без моего ведома.

— Ну, люди живут здесь в норах под землей. Так что в марсианской пустыне можно соорудить что угодно, и никто не заметит.

— Но сейчас вы мне это показываете. Почему?

— Я сказал вам — это пробная версия. Так же, как шпиль.

— Пробная версия чего?

— Монумента Цао Си, вариант III. Вам нужно продолжать расширяться, мистер мэр. Мои кирпичи заполнили лакуну, но в будущем то же самое сделают марсианская сталь, марсианское стекло и марсианский бетон. Но зачем зарываться в землю? Разве это подходящий путь, чтобы взрастить новое поколение? О, я знаю, нам нужно подумать об экранировании, но…

— О чем вы говорите?

— Как будто вы не можете догадаться. Как будто вы сейчас не чувствуете вдохновения. О, я знаю вас, Вэй Бинлинь, — Кендрик указал на охряные небеса: — Никаких больше пирамид или шпилей, никаких бессмысленных монументов. Я говорю вам, что мы должны построить место, где люди смогут жить. Я говорю, что нам следует строить не вниз, а вверх.

* * *

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ комиссии, назначенной прямо из Нового Пекина на далекой Земле, звали Чан Ко, и на второй день встречи он торжественно выслушал Вэя с Кендриком. Зал для конференций находился глубоко под землей, похороненный в недрах равнины Эллада, которая сама раскинулась на восемь километров ниже поверхности

Марса. Вэй подумал, что трудно представить, насколько далеко по духу находится это место — китайская административная столица, закопанная в самой глубокой точке Марса, — от того, что они с Кендриком пытались построить в Огненном Городе.

Голограмма, стоявшая в самом центре круглого помещения, в режиме реального времени показывала Обелиск, как его называли люди. Изображение было в человеческий рост. На самом деле постройка уже превысила километр в высоту: громадный шпиль из стали и стекла, устремившийся в марсианские небеса. И ущерб от попадания метеорита был виден прекрасно: почти круглая дыра примерно на трехсотом уровне. Именно эта катастрофа стала причиной для проверки.

Зал вздрогнул, и Вэю показалось, что он услышал взрыв, низкий и далекий.

— Проклятье, что это было? — Кендрик сорвался на свой родной английский. — Простите, я хотел сказать…

Он выглядел встревоженным, с недоброй радостью заметил Вэй.

— Это было ядерное оружие, сдетонировавшее глубоко под разбитым дном кратера Эллада.

Никогда бы не подумал, что прославленный инженер Героического поколения может испугаться простого фейерверка.

— А зачем бомбы-то подрывавать? Ах да, эксперименты по терраформированию.

— Так вы об этом слышали? Ну конечно же, слышали.

— Сюэ Лин показала мне некоторые документы. Не вините ее. Я уговорил ее слить мне информацию. Вините ее беременность: благодаря этому ею проще манипулировать.

Но его улыбка вышла натянутой и вымученной.

Вэй подумал, что все понял. Сюэ Лин, которой исполнилось двадцать восемь лет, вышла замуж и ждала ребенка. Она просила разрешить ей покинуть Огненный Город — переехать сюда, в Элладу, где, по ее мнению, она могла построить хорошую карьеру в администрации, что дома было невозможно. Ее мужу тоже: сейчас старшему инженеру, занятому на проекте по терраформированию, тоже приходилось ездить в Элладу и обратно. Во всех отношениях было лучше позволить ей уехать.

Во всех, кроме одного: Кендрика.

Слишком много общин решили последовать

за американцем, перед ним открылось слишком много возможностей, как скрытых, так и явных. Возможно, он изначально так выстроил свою игру, чтобы занять положение, при котором такие вероятности появились. Но уход американца до завершения строительства башни стал бы катастрофой для Огненного Города. Это стало бы катастрофой и для самого Вэя, потому что он теперь прочно ассоциировался с проектом даже в глазах этих бюрократов из Эллады. Так что он не мог позволить Кендрику уйти. Однако как его удержать?

Сюэ Лин до сих пор, казалось, была важна для американца, чем-то его притягивая. Она была источником информации Вэя о сложном, непредсказуемом, непостоянном нраве его союзника. К сожалению это означало, что Вэй не мог позволить дочери уехать. Он уверял себя, что более значимые соображения, благо всей общины важнее ее желаний, и про себя говорил, что после трагедии, выпавшей на ее долю в детстве, жить ближе к тому, что стало ей домой, рядом с отцом, лучше для самой Сюэ Лин, знала она об этом или нет.

С ним говорил председатель Чан Ко.

— Простите, господин председатель. Не могли

бы вы повторить?

— Я сказал, что мы уже второй день ведем проверку проекта, этого Обелиска, как его называют в средствах массовой информации, — или Каприза Вэя, как, я уверен, прозвали его ваши люди. Вскоре мы должны вынести решение о том, стоит ли разрешать вам вести дальнейшую работу над проектом.

Вэй осторожно ответил:

— Вчера мы рассмотрели практическую ценность башни. То жилое пространство, которое она обеспечит. Толчок, который она уже придала местной промышленности, развитию навыков и технологий, приспособленных к марсианским условиям. Это сложная задача, а мы, как народ, раскрываемся с наилучшей стороны, когда речь идет о по-настоящему сложных задачах.

— Люди погибли. Это совершенно абсурдная беззащитность от метеоритных ударов…

В отличие от плотной земной атмосферы разреженный воздух Марса не спасал ни от солнечной радиации, ни от попаданий метеоритов даже среднего размера.

Кендрик уверенно сказал:

— Это проблема, которую можно решить при помощи систем предупреждения, орбитальной

защиты, лазерных батарей…

— Ха! Типичный ответ Героического поколения. Без сомнения, все это будет дорого стоить. Проект Обелиска уже исказил экономику всего региона. Некоторые считают, что это просто безумие, помпезная блажь.

Кендрик встал, всеми своим видом выражая возмущение дурными манерами председателя.

— Помпезная? Вы так видите этот проект, как помпезную блажь? Мистер председатель, задача башни Цао Си подарить настоящему поколению собственную мечту. Дать им нечто большее, а не просто задачу воплотить мечтания их родителей…

Он взглянул на Вэя.

Тот знал, куда теперь должен пойти этот спор. Они часто репетировали возможную речь. Вэй даже согласился с ней, хоть и не полностью. Каждый хочет быть первопроходцем. Первым на Марсе, как Цао Си! Или обитателем населенного мира будущего, живущим на терраформированном Марсе, или, по крайней мере, под куполом достаточно большим, чтобы накрыть Тайвань, — таким большим, чтобы дети росли без видимых стен вокруг. Видите ли, никто не хочет быть промежуточным поколением. Никто не хочет

быть колонистом. Вот почему у колонистов столь острая проблема кадров. Но ведь и им нужны мечты. Мы строим эту башню не потому, что это разумно. Мы делаем это именно потому, что это большой жест, да, пусть даже помпезный. Это цель, памятник для детей, которые не могут мечтать о путешествии на Марс, потому что родились здесь. Их шанс оставить след в истории.

Вэй молчал. Все смотрели на него, даже Кендрик, который сел рядом.

— Паньгу, — сказал он наконец.

— О чем вы, Вэй Бинлинь?

— Я — Паньгу. Или мой коллега. Паньгу, который родился во вселенском яйце, рос там восемнадцать тысяч лет и встал… — Он оглядел пустые лица людей, сидящих вокруг. Интересно, сколько из них вообще понимали, о чем он говорил? Культура китайского Марса быстро отдалялась от родины. Вэй и сам чувствовал себя старым, а ему исполнилось лишь пятьдесят три. Он уже десять лет потратил на работу с этим человеком, этим монстром, Кендриком, и все еще не закончил.

Молчание нарушил один из бюрократов:

— Нельзя было назначать пилота на административную должность. Герой «Подсолнуха»! Он

всегда был способен на подобный жест. Однажды герой — всегда герой, да, капитан Вэй?

Чан Ко сурово кивнул:

— Вы явно привязались к этому монументу, Вэй Бинлинь. Этому монументу или капризу.

— Конечно, так и есть, — сухо заметил Кендрик. — Но он не может остановиться. Мы не можем остановиться…

Вэй собрался с силами.

— Никто из нас не может остановиться, — уверенно заявил он. — Обелиск известен по всей планете и дома, во всей Китайской программе, — даже в Объединенных Нациях, благодаря спутникам, которые показывают его с орбиты. Мы не можем остановиться. Слишком уж подпортим себе репутацию. Вот причина для того, чтобы продолжать, и она уходит так же глубоко, как опоры, что мы построили для самой башни. В общем, может, мы обсудим, что делать дальше?

И он посмотрел на бюрократов, переводя взгляд с одного на другого, словно проверяя, осмелятся ли они противоречить ему.

НОВОСТЬ ДОШЛА до них во время еще одной долгой встречи, ожесточенного спора в кабинете Вэя, в старом Летнем Своде.

Звонил ее живущий отдельно муж, который

сейчас был в Элладе, он, в свою очередь, получил паническое сообщение от друга. Сюэ Лин отправилась на вершину Обелиска. Она казалась доведенной до отчаяния, покидая свою квартиру на престижном пятнадцатом этаже.

Так что они побежали, оба, по подземному переходу к базовым уровням Обелиска, в залы, высеченные в массивных основаниях башни. Вэю было уже под шестьдесят, Кендрику и того больше, и здоровье у обоих было уже не то, что раньше: кости Вэя съедал какой-то неизвестный рак, а Кендрик ковылял рядом, и его странно искаженное лицо все еще оставалось молодым, но заметно обвисло, так как дорогие имплантаты, не менявшиеся десятилетиями, начали сбоить.

В Обелиске Вэй вынул главный пропуск, предоставлявший доступ к высокостатусным внешним лифтам повышенной скорости. Они оба запыхались и молчали, пока кабина взлетала вверх.

Вскоре они поднялись над уровнем земли, и машина продолжила ползти по закованной в стекло грани здания. Им открылся потрясающий вид на город и сам Марс. Впрочем, как и всегда, внимание приковывал только Обелиск. Сквозь прозрачную крышу лифта Вэй смотрел на уходящую все выше и выше стеклянную поверхность,

освещенную тусклым маслянистым светом утреннего марсианского солнца, мертвую ровную плоскость, сужающуюся в тонкую линию, казалось пронзавшую сами небеса. Обелиск вознесся над погодой. Оболочку — клетку из марсианской стали под напряжением, которая удерживала на месте бетонные сваи, — уже закончили, покрыв стеклом. Конструкцию, по большей части, уже загерметизировали, хотя работы по внутренней отделке, похоже, займут еще несколько лет. Внешние стены держали несколько лифтовых шахт, как та, по которой они поднимались, а внутри корпуса вилась к вершине крутая лестница. То был второй способ подняться на здание, забраться на него, словно на гору.

Сам шпиль вонзался в небеса на изумительную высоту в десять километров, в три раза превосходя любое здание, когда-либо построенное из сходных материалов на Земле, и в десять раз — любую конструкцию на Марсе. Вэй видел, как Обелиск выглядит на снимках с орбиты, — сам он никогда не покидал планету с тех пор, как вышел из челнока, отчалившего от «Подсолнуха». Из космоса зрелище казалось потрясающим: стройная, совершенная рука, поднимавшаяся из хаоса, чтобы вцепиться в небеса.

Десять километров! Да если положить башню на землю, здоровому человеку понадобилось бы два часа, чтобы пройти по ней. А по лестнице пришлось бы карабкаться целых четырнадцать километров. Марс был маленьким миром, созданным с размахом, с внушительными кратерами и глубокими долинами; но только громадные вулканы Тарсиса превосходили размерами Обелиск. Внизу острую иглу, устремленную в небо, было видно на расстоянии в сотни километров. Все люди, казалось, признали ее грандиозным достижением человечества, особенно учитывая, что построили Обелиск в начале эпохи колонизации Марса.

И он преобразил сообщество, из которого возник. Как и предсказывал Кендрик, в результате ускоренного развития, обеспеченного постройкой башни, Огненный Город превратился в глобальный центр промышленности, производства стали и стекла, даже древних кирпичей американца. Велись разговоры о перемещении административной столицы планеты сюда из темных подземелий Эллады. Даже название города изменилось; теперь его называли просто Обелиском.

Но башня до сих пор вызывала споры.

— Я получил еще одну петицию, — нарушил молчание Вэй.

— О чем же?

— О воде, которую ты используешь для производства бетона.

Кендрик пожал плечами:

— У нас теперь достаточно воды из колодцев в водоносных слоях. И вообще, что с того? Если цивилизация на Марсе не выживет, будущие поколения переработают руины Обелиска и извлекут воду из его тканей. Считай башню долговременным стратегическим запасом.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— Я уже не должен удивляться тебе, но все равно не получается. Думать в таких временных масштабах!

— Тьфу. Это ничто. Порядок из хаоса, — ответил Кендрик, вглядываясь в вышину.

— Что?

— Паньгу. Помнишь, ты упомянул это имя, когда нас много лет назад отчитывала кучка напыщенных зануд в Элладе? Я узнал, кто это. Паньгу, первоначальное божество из старинной китайской легенды. Правильно? Который выбрался из чего-то, похожего на вселенское яйцо,

и когда поднялся во весь рост, то разделил небо и землю. И через восемнадцать тысяч лет, создав порядок из хаоса, смог лечь и отдохнуть. Это мы с — тобой, приятель. Мы сделали то же самое. Создали порядок из марсианского хаоса. Сделали Марс пригодным для людей.

— Правда? Мы действительно сделали мир лучше, несмотря на твою заносчивую болтовню? — Пока они поднимались, Вэй посмотрел наружу, на марсианский ландшафт, простиравшийся за городом, и на стремительно расширявшийся горизонт. — Вон там. Что ты видишь?

Кендрик повернулся, чтобы посмотреть.

За границами Менделя уже различались стены других кратеров, огромные, но разъеденные, разрезанные вымоинами, змеящимися сухими долинами. Это была Киммерийская Земля, ландшафт и местность столь древние, что озадачили бы даже самого Паньгу. Она была создана в первые дни формирования Солнечной системы, когда юные миры бомбардировали огромные каменные глыбы, некоторые из которых превосходили размерами сами планеты. Это было настоящее избиение. На Земле время загладило эти шрамы, но они остались на Луне и Марсе. И здесь процесс образования кратеров соперничал

с масштабными наводнениями, когда гигантские подземные водоносные слои внезапно раскрывались, чтобы высвободить воду, что смывала стены новых кратеров и заполняла дно еще не остывших воронок от столкновения. Следы этого геологического безумия пережили миллиарды лет.

Ничто из этого, подумал Вэй, не имело ничего общего с человечеством. И человечество даже не коснулось этого первородного беспорядка. Но все равно здесь жила красота. Он посмотрел на небольшой кратер, где образовалось поле из дюн: марсианскую пыль изваяли дуновения слабого ветра, и получилась изящная скульптура, вариации полумесяцев. Вэй подумал, что, может, именно в этом и заключалась роль людей. Найти фрагменты красоты в хаосе и насилии. Возможно, такой красоты, как душа Сюэ Лин, что улетала от него в небеса.

Кендрик ничего не сказал. Казалось, сама планета не впечатляла его, он видел в ней лишь сырой материал.

Они промчались сквозь слой облаков, скопище водяных частиц. Теперь этот покров скрывал уродливую землю, и создавалось впечатление, словно Обелиск парил в небесах.

Последние несколько сотен этажей башня сужалась, пришлось сменить лифт на центральную шахту. Теперь они спешили по коридору, населенному только терпеливыми роботами, припавшими к полу цилиндрами, занимавшимися сваркой. Здесь не было ковра, и стены представляли собой голые бетонные панели; сам воздух был разреженным и холодным. В лифтовой шахте им пришлось влезть в скафандры, хранившиеся в специальном отсеке кабины: на верхних уровнях герметичность еще не гарантировали.

Теперь они поднимались в темноте, отделенные от всего мира.

Вэй осторожно сказал:

— Мы даже не говорили, зачем мы здесь.

— Ты имеешь в виду Сюэ Лин. Ни один из нас не удивился, оказавшись в этом положении. Будь честен, Вэй Бинлинь. Ты же знаешь, я никогда не мог…

— Что? Обладать ею?

— Я не об этом, — сердито отрезал Кендрик. — Я знал, что никогда не смогу рассказать ей о том, что чувствую. В основном, потому, что сам себя не понимал. Любил ли я ее? Подозреваю, я не знаю, что такое любовь, — он горько рассмеялся. — Та-

кой имплантат родители мне не установили. Но в этом уродливом месте она была настолько красивой! Знаешь, я никогда бы не причинил ей вреда. Даже своей любовью.

— Я знаю.

Кендрик в упор взглянул на китайца:

— И ты все равно держал ее так близко. Чтобы контролировать меня, да?

Вэй пожал плечами:

— Как только началось строительство Обелиска, я не мог позволить тебе уехать.

— Как я мог уехать? Я преступник, помнишь? Для меня это каторга.

— Я знаю тебя уже давно, Билл Кендрик. Если бы ты захотел уехать, то нашел бы способ.

— Значит, с ее помощью ты приковал меня к этому месту? Но какой ценой, Вэй? Какой ценой?

Лифт постепенно остановился. Двери открылись, обнажив стеклянную стену — все еще незаконченную наблюдательную площадку. Теперь они находились совсем рядом с вершиной башни. Почти десять километров от земли. И горизонт этого маленького мира очерчивался четким изгибом, со слоями атмосферы, заметными отсюда столь же четко, как из открытого космоса. На востоке виднелось коричневатое

пятно: возможно, набирала силу пылевая буря.

И здесь, на краю, за стеной из стекла стояла Сюэ Лин. Она знала об их приходе и повернулась. Вэй сразу увидел ее маленькое, испуганное лицо за визором скафандра. Отец вдруг отчетливо осознал, что ей всего тридцать три года, всего лишь тридцать три.

Мужчины побежали к стене, неуклюже шаря по стеклу руками в перчатках. Вэй хлопнул по передатчику на груди, чтобы они могли слышать друг друга.

— Вот и вы, — горько протянула Сюэ Лин. — Наконец вы меня видите, в первый раз за всю мою жизнь.

Кендрик с отчаянием огляделся по сторонам:

— Как перебраться за эту стену?

— Чего вы хотели? Ты, Билл Кендрик, создавал произведение поразительного уродства, чтобы увековечить преступления, совершенные тобой на Земле? И ты, Вэй Бинлинь, строил башню, чтобы попасть обратно в небеса, с которых упал? А чем была я — залогом в ваших отношениях? Ты называешь меня дочерью. А со своим родным ребенком ты бы так обращался? Ты держал меня здесь. Даже когда я потеряла ребенка, даже когда мой муж захотел вернуться в Элладу, даже

тогда…

Вэй прижал ладонь к стеклу:

— Лин, прошу тебя. Почему ты это делаешь? Почему сейчас?

— Ты никогда меня не видел. Никогда не слышал. И никогда не слушал.

Кендрик коснулся его руки:

— Она вновь хотела уехать, отправиться в Элладу.

— Она просила тебя?

— Она хотела, чтобы в этот раз я тебя убедил. Я сказал, что ты запретишь. Возможно, отказ стал последней каплей.

— Значит, это твоя вина.

Кендрик фыркнул:

— Ты действительно в это веришь?

— Ты никогда меня не видел! Так смотри сейчас!

И она оттолкнулась от края башни. Мужчины рванулись вперед, сквозь стекло наблюдая за ее падением. Мягкая гравитация Марса, позволившая построить Обелиск, сначала бережно тянула женщину вниз, но постепенно становилась все сильнее. В ушах Вэя дыхание Сюэ Лин слышалось так ясно, словно она стояла рядом, и осталось спокойным, даже когда она упала, паря рядом

с зеркальной стеной. Он потерял дочь из виду, когда та пролетела сквозь облако, задолго до того, как она достигла далекой земли.